

Литература

- Калина Н.Ф. Основы психоанализа. Серия «Образовательная библиотека». М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер». 2001. 352 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Курпатов А.В. Взрослые дети. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 224 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
- Литвак М.Е. Как узнать и изменить свою судьбу: Способности. Темперамент. Характер / М. Е. Литвак. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 380 с.
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
- Правдина Н.Б. Я привлекаю любовь и счастье: Новый эффективный метод создания гармоничной и радостной жизни для себя и своих близких. СПб.: ИК «Невский проспект», 2003. 192 с.
- Правдина Н.Б. Мой ребенок – будущий миллионер. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. 302 с.
- Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: Изд-во «КСП+», 1999. 416 с.
- Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.

М.Н. Васильева (Россия, Уфа)

О КОНЦЕПТАХ ДУША И ВРЕМЯ В РОМАНЕ В.Е.МАКСИМОВА «СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ»

Будучи одной из важнейших философских категорий, являясь, наряду с пространством, основной формой существования материи, время становится и основным измерением всякой художественной картины мира – вместе с пространством и человеком [Болотнова 1992]. Согласно Н.Д. Арутюновой, отсутствие у человека специального органа восприятия времени при наличии чувства времени влечет постоянную метафоризацию времени в качестве пространственных явлений [Арутюнова 1997: 51].

Свое отношение ко времени, к недолговечности человеческой жизни автор вкладывает в уста героев, используя соответствующие эпитеты:

– *Говорится в Писании: Господь создал человека в один день. Только ведь это был не один земной день, а одна земная вечность... А мы с вами возомнили за двадцать **быстротекущих смертных** лет содеять то же самое.*

– *Мы должны, понимаешь, должны научиться мыслить тысячами, а не собственным **человечьим** веком.*

Максимов использует метафорическую модель ВРЕМЯ КАК ЧЕЛОВЕК:

После хмельной суматохи молодости к нему вдруг пришло возрастное похмелье, и Вадим увидел себя со стороны тем, чем он и был на самом деле: заштатным эстрадником тридцати пяти утяжеленных разгулом лет.

Отметим, что писатель отождествляет тишину и время:

Внезапно возникшую тишину мерно отсчитывали ходики над комодом.

Душа в русском языке – средоточие всей духовной жизни и одновременно физическая жизнь, человек как таковой. В современных исследованиях душу называют специфическим для русского языка культурным концептом [Шмелёв 1996]. Об этом свидетельствует то, что в английском языке, к примеру, в разговорной речи неуместно, не употребляется и выражение «французская душа», в то время как словосочетание «русская душа» сделалось интернациональной идиомой.

Когнитивная модель ДУША КАК ВМЕСТИЛИЩЕ – одна из наиболее распространенных в русском языке. В рамках этой модели Максимов конкретизирует вместилище как ПОМЕЩЕНИЕ – *не любя в душе никакой сквозной пустоты; сквозь темную дрему, какой с каждым годом все глуше затягивалась его душа...* (ср. паутина затягивает помещение); *...её осатанелой злобе не под силу было пробиться в обуглившуюся до дна Иванову душу...*

Вторая по частотности языковая модель ДУША КАК ФИЗИЧЕСКИЙ ОРГАН (ЧАСТЬ ТЕЛА). Реализуется она и у Максимова: *Девочка, девочка, разве прокричишь тебе душу?* (ср. прокричать уши); *Сорок*

пять по градуснику, да еще с минусом. Душу насквозь просекает; ...душу Лаикова неожиданно, впервые, пожалуй, в жизни обожгла простая до жути мысль...

Языковая модель ДУША КАК ПРЕДМЕТ предполагает материализацию метафоры: *Не засохла, выходит, еще душа; Водка как бы пропитывала душу, наполняла ее теплом гулкой праздничности...; Это там, где душу выворачивают наизнанку и дубят, чтобы ничего в ней человеческого не осталось...*

Развивая модель ДУША КАК ЧЕЛОВЕК, Максимов автономизирует душу, приписывая ей способность испытывать душевные и физические ощущения: *...безуспешно в поисках выхода тянулась его окольцованная глухотой душа...; Молчаливость Петра Васильевича располагала мятущиеся в неразрешенных загадках души к доверию...; Так хоть душу повеселить.*

Литература

Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры. Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 313 с.

Максимов В.Е. Собр. соч. В 8-ми томах. Т. 2. Семь дней творения. М.: Терра, 1991. 510 с.

Шмелёв А.Д. Лексический состав русского языка как отражение русской души // РЯШ. 1996. №4.

А.А. Ворожбитова, Л.Л. Романенко (Россия, Сочи)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В ИДИОДИСКУРСЕ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА КАК ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ТИПА

В ходе исследования эзотерического дискурса с позиций лингвориторической парадигмы [Ворожбитова 2000] на примере метафилософского трактата «Роза мира» Д. Андреева [Андреев 2003] нами рассматриваются особенности языковых операций данной литературной личности – в качестве составной части пафосно-вербально-локутивных параметров ее идиодискурса. Представим примеры наблюдений за спецификой ассоциативно-вербальной сети (АВС) языковой / литературной личности эзотерического типа, репрезентированной в ее текстовом массиве на разных уровнях языковых операций.

Уровень морфемно-словообразовательных операций идиодискурса Д. Андреева представлен следующим образом:

1. Морфемы, обозначающие высшую степень признака.

а) суффиксы имен прилагательных превосходной степени: *«опускаются в любви и тишайшей радости»; «В исторической перспективе между ними вырисовывались жесточайшие схватки, победа сильнейшего, удачнейшего, и сосредоточение демонической работы именно над ним»; «Я встречал немало людей, в культурном и умственном отношении весьма утонченных и обладающих несомненным духовным опытом и, однако же, удивлявшихся и даже оскорблявшихся самым принципом: переносом, как им казалось, различий пола и вообще человеческих категорий на миры высочайшей реальности и даже в тайну Самого Божества»; «Раскаленный уголь» внутри каждого существа, неумолимый инстинкт воспроизведения рода, источник самопожертвований, неистовых страстей, чистейших вдохновений, преступлений, подвигов, пороков и самоубийств – странно ли, что для подвижников и святых именно эта любовь была величайшим камнем преткновения?»; «Перечислю ещё раз ближайшие из них...»;*

б) приставки имен прилагательных со значением «высшая степень»: *«Это – наивысший аспект искусства»; «Ее наибольшая полнота связана с высокими слоями атмосферы»; «Наивысшие духовные восхищения у мистиков христианства, высшая ступень экстаза у индуистов, "абхиджна" Будды – все это суть состояния именно этих отдаленных предчувствий»;*

в) суффиксы сравнительной степени прилагательных, вспомогательные слова: *«Но миф динамичен, он движется во времени, развивается, меняет лики, и поздние его фазы, как правило, ближе к трансмифу, потому что за истёкшие века сами воспринимающие сознания стали тоньше, богаче, зорче, шире»; «Высшие животные уже гораздо свободнее, чем микроб, амплитуда их произвольных действий много шире; у человека она возрастает несравненно»; «Их осуществление открывает путь к разрешению задач ещё более высоких».*

Уровень лексико-фразеологических операций. Как показали результаты нашего анализа, вербально-семантический уровень Д. Андреева как языковой / литературной личности эзотерического типа